

«ПЛОДЫ УЕДИНЕНИЯ» Н. И. ГНЕДИЧА

Библиографические пособия расходятся в атрибуции анонимно изданной книги «Плоды уединения» (М., 1802). Сопиков и Геннади приписывают ее Михаилу Дмитриевскому, словарь митрополита Евгения — Гнедичу,¹ что одно уже могло бы привлечь к ней внимание, между тем даже в самых тщательных работах, касающихся литературной деятельности Гнедича, книга эта остается вне поля зрения исследователей, вероятно вследствие ее редкости.²

«Плоды уединения» представляют собою собрание четырнадцати перенумерованных римскими цифрами стихотворных, драматических и прозаических произведений разного объема, общей сложностью в 212 страниц. Последнее по порядку произведение, № XIV (стр. 169—212), носит заглавие «Мориц, или Жертва мщения» и, как показывает сличение, текстуально совпадает с вышедшим небольшой книжкой в том же 1802 г. романом того же заглавия, принадлежащим Гнедичу. Снабженная титульным листом и посвящением И. В. Лопухину, известному просветителю, масону и филантропу, книжка эта не что иное, как отдельный оттиск из «Плодов уединения»: та же типография («в Университетской типографии, у Любиа, Гария и Попова»), тот же формат, бумага, шрифт, количество страниц (44), дана только иная, начиная от единицы, пагинация. Перед заглавием остался даже порядковый номер — римская цифра XIV — уместный в сборнике «Плоды уединения», но ненужный и непонятный в отдельно вы-

¹ В словаре Сопикова (ч. IV, СПб., 1905, стр. 97, № 8303) дается неверный год выхода в свет «Плодов уединения» — 1806 г. и ошибочно предполагается, что год, указанный у Геннади (Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. I, Берлин, 1876, стр. 308), т. е. 1802, быть может — опечатка. В «Словаре» митрополита Евгения (издание И. Снегирева, М., 1838, стр. 305) высказано и оценочное суждение: «... в сочинениях Гнедича видна постепенность совершенствования его таланта: они следующие: 1) Первые опыты его стихотворений и прозаических сочинений: Плоды уединения, М., 1802 г. в 12. 2) Дон Коррадо и т. д.».

² Н. С. Тихонравов (Сочинения, т. III, ч. 2, 1898, стр. 101, примечание), ссылаясь на словарь митрополита Евгения, замечает: «Этой книги я не мог отыскать». Между тем книга имеется в ГПБ, ее шифр 18.255.1.33.

шедшей книге. Объяснить появление «Морица» в двойном виде в один и тот же год можно коммерческими соображениями: в качестве занимательного чтения «Мориц, или Жертва мщения» мог скорее рассчитывать на успех, чем весь сборник.

Атрибуция Сопикова и Геннади произведена ими, следовательно, без просмотра состава сборника «Плоды уединения» — последний его номер никак нельзя приписывать кому-либо, кроме Гнедича, тем самым неточна и атрибуция всего сборника в целом Михаилу Дмитриевскому.

Невыясненными остаются первые тринадцать номеров «Плодов уединения» — принадлежит ли они одному автору, будь то М. Дмитриевский или Гнедич, или же им обоим, и, поскольку нас интересует именно Гнедич, возможно ли определить долю участия Гнедича в остальном составе сборника, кроме «Морица»? Свидетельств об этом у нас нет, здесь надо руководствоваться внутренними признаками этих тринадцати пьес (мы прибегаем к старинному словоупотреблению, так как для большинства из них термин «произведение» был бы слишком громким). Их тематику и стиль следует сопоставить с творчеством юного Гнедича, прежде всего с его «Морицом», и со всем тем, что нам известно о ходе его литературного развития.

Присматриваясь к последовательности всех 14 номеров, составляющих сборник «Плоды уединения», можно заметить замысел в их расположении: сборник распадается на два цикла, построенных по одному и тому же плану: каждый цикл начинается с мелких прозаических статей (№№ 1—5 в первом цикле, №№ 8—10 — во втором), затем идет стихотворение (№ 6 в первом цикле, № 11 — во втором), а за ним — пьеса для театра (№ 7 в первом цикле, № 13 — во втором). Симметричность нарушена только вставкой прозаического отрывка № 12 перед пьесой второго цикла. Весь первый цикл проще и менее патетичен, чем второй.

Содержание №№ 1—5: Гимн добродетели (с французского); О богатстве; Чувства кающегося грешника; Весеннее утро; Соловей — все это не более как повторение общих мест литературы. В том же роде и №№ 8, 9, 10 и 12: Кладбище; О великодушии (смерть Сократа); Отрывок «Несчастливая любовь»; Пример храбрости (междоусобная война в Италии). Из этих пьес наиболее беллетристичен отрывок «Несчастливая любовь», безвкусно и беспомощно примыкающий к становившемуся тогда модным течению литературы ужасов; так, например, герой отрывка, «чувствуя жажду, с поспешностью схватывает кувшин, в котором было немного молока... Несчастный! он выпил яд, ибо таранул, упавший в кувшин, лопнул». К слову «таранул» дается примечание: «большой ядовитый паук». В этом же отрывке встречаются выражения, свойственные юношеским, «готическим» романам Гнедича («Мориц» и «Дон-Коррадо»): «Га! я слышу хрипение умирающего... Га! кто? кто так страшно воет? ... Вижу пламенный меч.

возносящийся над главою моею» (за недостатком места ограничиваемся одним примером из многих). Такая дикция ведет к драматургии; недаром основное в сборнике «Плоды уединения» — это две пьесы для театра (№ 7 и № 13). Первая из них — «Драма, Добрый внук, в двух действиях» (стр. 19—50). Действующие лица: Добросерд, Маша, Анюта — дело как будто бы, судя по этим именам, могло бы происходить в России, но главный герой, 19 лет, носит имя Георг и все построено на взятом из шиллеровской драмы «Коварство и любовь» мотиве: продаже рекрутов за деньги. Старик, деду Георга, нечего есть. Благородный Георг говорит: «Дедушка! я еще молод, могу служить государю; теперь рекрутский набор, пойдем в деревню Добросерда, вы меня продайте, деньги возьмите себе для прокормления». Старик восклицает, «после малого молчания»: «Мне продать своего внука? Георг! Кто внушил тебе сию мысль?». Георг отвечает «с жаром»: «Мое отчаяние». Подражание немецкому театру здесь очевидно. Исход пьесы, конечно, счастливый — недаром, помещика зовут «Добросерд». Он, «будучи тронут», решает так: «Добродетельнейший внук и ты, почтенный старец! Обнимите меня — я помогу вам . . . вы будете жить спокойно в моем доме, я буду сам иметь о вас попечение».

Вторая пьеса сборника это — «Честолюбие и позднее раскаяние. Трагедия» (стр. 82—168). Там действуют: Граф Рудольф Гогенбрук, полковник Леопольд Розенмор, Генриетта, Эдуард, и т. д. Действие происходит в Германии. Генриетту выдают замуж за барона Вульфа, но она любит Эдуарда — бедного и «низкой фамилии». Эдуард также ее любит. «А! батюшка, — говорит он, — моя любовь не есть подлая страсть, но приятное братство. Я не мечтаю о другом благополучии, как только прикасаться к ее руке, и это прикосновение не будет возжигать моей крови; воздыхать у ног ее, и этот вздох будет вздох невинности».

В III акте дается следующая сцена:

«Генриетта (в черном платье). Ах, естли б эти звезды угасли, естлиб луна не так ясно светила! Гусьме облака! затмите ее сильнее! о ночь! распространи черный свой покров. . .³

«Эдуард (в совершенном упоеньи). Божественная Генриетта! и я могу. . . осыпать тысячью поцелуев эти пылающие щеки, эти черные глаза! . . . И это не сон?»

«Генриетта. Нет, мой любезный, это не сон, но будь поосторожнее.

«Эдуард (обнимая ее). Ах, Генриетта! (в это время ночь становится немного темнее).

«Генриетта (вырываясь от него). Бога ради тише. . .

«Эдуард. Наша любовь есть священна? (Становится на колени.) Так, я клянусь! Внемили мне, верховный правитель мира! внемите мне, царица ночи и звезда! я клянусь, что любовь моя к Генриетте никогда не изменится».

³ Ср.: «Ромео и Джульетта», д. III, явл. 2. Слова Джульетты: «. . . Bring in cloudy night . . . spread thy . . . curtain . . . night . . . thy black mantle». У автора пьесы не более как литературный штамп.

Далее Эдуарда заточают и дают яд в стакане воды (ср. выше «Несчастливая любовь»), Генриетта прибегает с растрепанными волосами и с кинжалом в руках.

«Где ты? — где ты, любимец моего сердца? (увидя лежащего Эдуарда, который умирая протягивает к ней руки). Не спеши, Эдуард! Не спеши, жених мой! помедли, покада сочетаемся (колетса и упадет возле Эдуарда; обнявши его) приятно! приятно умереть с тобою (страшное молчанье)».

«Драму» и «трагедию» из сборника «Плоды уединения» по их содержанию, слогу и приемам надо отнести к ряду подобных же явлений русской шиллеровщины начала XIX в. В Дружеском литературном обществе, кружке Мерзлякова, бакалавра Московского университета, увлекались ранним периодом творчества Шиллера — «штурм унд дрангом» в его завершающем этапе. Мерзлякову и Андрею Тургеневу принадлежал рукописный перевод «Коварства и любви». Мерзлякова посещал и Нарезный, драмы которого «Мертвый замок» (1801) и «Дмитрий Самозванец» (1800—1804) — наивное следствие чтения Шиллера и готических романов.⁴

Оба кандидата в авторы драматургических опытов «Плодов уединения» — и Михаил Дмитриевский, и Гнедич — воспитанники Московского университета и могли встречаться друг с другом, но нет свидетельств о близости М. Дмитриевского к кругу Мерзлякова, как это нам известно о Гнедиче с его интересом к Шиллеру. Михаил Дмитриевский — личность несколько не примечательная в русской словесности. Вся его литературная продукция была издана на протяжении трех лет, с 1806 по 1808 год, и сводится к шести публикациям. Остановимся на главных из них:

1) «Взор на нынешнее состояние Греции», М., 1806. В Университетской типографии, стр. 1—51. Весь текст на двух языках — на русском и en regard на греческом, причем греческий представляет собою, как поясняет сам автор, перевод с русского. На титульном листе фамилия автора дается только на греческом: Δημητρίεββου. Цель брошюры двоякая: 1) «познакомить нынешних греков с нашим российским языком». Автор обращается со следующим призывом к своим читателям: «Итак, молодые эллины! не оставьте в пренебрежении того языка, который от знаменитых ваших предков заимствовал всю свою высоту, приятную нежность и обилие в словах — того, говорю, языка, коего знание может быть некогда будет для вас необходимо» (стр. 5—6); 2) «возбудить

⁴ См.: С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, стр. 190; J. Lotman. Neue Materialien über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», № 5/6, Jahrgang VIII, 1958/1959. Ср. также: Б. Я. Гейман. Шиллер и наследство театра просветителей XVIII века. Ученые записки ЛГПИ, т. 158, Кафедра зарубежной литературы, 1958, стр. 95—145.

(греков, — А. Е.) к подражанию достославным своим предкам». Автор кратко касается политической обстановки и возвышения Наполеона (но не в безусловно отрицательном тоне — не забудем, что брошюра вышла в свет в 1806 г.), говорит далее о горестной судьбе греков под турецким игом и указывает на их современных культурных деятелей, в частности на Кораи: «Пишите так, как пишет милый (μγαπημένος) Кораи, — Кораи, известный уже не только в Греции, но и в Германии, в России и Франции».⁵

Через год после этой публикации Дмитревский выпускает в той же университетской типографии «Плач питомца муз на кончину его превосходительства Михайла Никитича Муравьева» (М., 1807, стр. 1—15) опять-таки на двух языках — на русском и греческом,⁶ и с указанием автора лишь на греческом. Эта брошюрка снова прославляет «просветителей юных сынов Эллады» и риторически выражает скорбь по почившем.

Остальные четыре публикации Михаила Дмитревского представляют собою переводы с греческого и латинского или касаются древних рукописей, хранящихся в монастырях. С новых языков он перевел, очевидно, в порядке случайной работы вследствие материальной необеспеченности — «Способ сохранить свое здоровье» (М., 1807).

Такова литературная физиономия Михаила Дмитревского: все выпущенное им в свет не относится к художественному творчеству, а его эллинофильство нисколько не окрашено романтизмом — оно вполне в русле старой, еще со времен Екатерины II, политической линии покровительственного сочувствия грекам. Ни по одной из его публикаций нельзя было бы заключить о его интересе к новейшим течениям литературы. Характер основных пьес «Плодов уединения» не согласуется с характером публикаций Дмитревского, и мы, преодолевая наше удивление, принуждены были бы верить Сопикову на слово, не будь у нас более убедительной атрибуции митрополита Евгения.

Самое большее, что можно допустить относительно авторства Дмитревского, это его участие в некоторых прозаических статьях сборника: весьма слабые и на фоне русской литературы того времени, частью переводные с французского, они не носят печати авторской индивидуальности (за исключением отрывка «Несчастливая любовь») и могут принадлежать и Дмитревскому, и Гнедичу,⁷

⁵ Кораи (Адамантиос), филолог (1748—1833), издавал во Франции древнегреческих авторов, способствовал образованию новогреческого литературного языка.

⁶ Греческий язык обеих брошюр — новогреческий: утрата инфинитива, *χάμω* в смысле «делать» и т. д.

⁷ Еще из Харьковского коллегнума Гнедич вынес риторические навыки декламаций на назидательные темы (см.: П. Н. Тиханов. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам СПб., 1884, Сборник ОРЯС, т. 33, стр. 1—3).

и кому угодно. Но основные пьесы «Плодов уединения» — драматургические и стихотворные — это произведения юного Гнедича. Он их расположил циклически и симметрично из соображений эстетического порядка, во избежание однообразия и с целью усиления впечатления: черты готического романа и шиллеровщины все более нагнетаются по мере приближения к заключительному аккорду сборника — роману «Мориц, или Жертва мщения». Помещенные в «Плодах уединения» драматургические опыты Гнедича можно сопоставить с сохранившимся в его бумагах и относящимся также ко временам его юности наброском пьесы «Вольф, или Преступник от любви».⁸ В подзаголовке видно колебание Гнедича в определении жанра своего произведения: сперва было проставлено «мещанская трагедия» — следовательно, Гнедич уже был знаком с шиллеровской пьесой «Коварство и любовь», имевшей такой же подзаголовок; затем, хотя действие происходит не в России: «Русская картина по образцу господина Шиллера» и наконец «драматическая картина». Пьесы из «Плодов уединения» — это тоже русские картины по образцу «господина Шиллера».

Из двух стихотворений, входящих в состав сборника «Плоды уединения», первое, под заглавием «Несогласие» (53 строки), касается бренности земного величия и падения царств вследствие «несогласия», т. е. внутренних раздоров:

Где сила, власть? где славы гром?
Где все веселия, триумфы?
Победа где? Исчезло все...
Где царь, вельможи мыслят разное,
Творят лишь для страстей своих,
Там вечны брани, неустройства...

Такие строчки звучат публицистически, если учесть события, близкие по времени к выходу в свет книги Гнедича (1802 г.), но прямые политические намеки чужды автору стихотворения, преданному меланхолическим раздумьям.

Второе стихотворение — «Стон при гробе М—а» (61 строка) написано на тему, свойственную сентиментальной и в особенности романтической поэзии и нашедшую наиболее полное выражение у Шиллера.⁹

Поскольку Гнедич вошел в русскую литературу не как романист и не как оригинальный драматург, а как переводчик в сти-

⁸ ГПБ, Отдел рукописей, XIV, № 119. Так же 197, № 6.

⁹ Ср. юношеские стихотворения Шиллера: 1) «Eine Leichenphantasie» — «Могильная фантазия» (1780), на смерть 19-летнего юноши: лунный свет и жуткие картины кладбища чередуются с лирическими призывами к почившему. 2) «Elegie auf den Tod eines Junglings» — «Элегия на смерть юноши», (1781): уверенность в свидании с почившим. 3) «Die Freundschaft» — «Дружба» (1781): любовь к другу преобразует.

хах и сам автор стихов, стоит привести полностью стихотворение «Стон при гробе М—а», как ранний стихотворный опыт Гнедича:

Поля покрылись черной тенью,
Настала ночь — и тишина.
Луна сребриста из-за облак
Выходит грусть делить со мной,
Приди, царица бледна ночи,
Луна, печальных томный друг!
Приди грустить о друге,
О нежном и несчастном Ма...
Луна! — ты одного находишь,
Без друга — с томною душой.
Я, вспомня вечера приятны,
Рекою слезы лишь лию.
А там слеза, будь мой свидетель,
Что нежно я его люблю
Любил... но, ах! уж все исчезло,
Увял цвет счастья навсегда.
Среди цветущих юных лет
Любовной страстью наслаждался,
Любил он страстно милу Со...
Любил, и был любим взаимно,
Но так угодно было року,
Прервать чтоб счастье их навек.
Нешастный Ма... ты не приметил
Что под цветами нежной страсти
Скрывался ядовитый змий;
Ты думал сделаться счастливым,
Но вдруг удар — ты умираешь,
Как цвет весенний ты увял!
Сражен ты острою косою,
Вот здесь в могиле погребен.

Тебя уж нет! мне жизнь несносна,
Ты все, ты все был для меня,
Тебя лишился — ах! навеки;
Мне все несносно без тебя.
Приди, царица бледна ночи,
Приди грустить о милем друге —
О нежном и несчастном Ма...
Теперь у холодной сей могилы
Сижу с гитарою в руках,
Печально, томно ее строю,
Петь горесть сердца моего.
Ударил в струны — зазвенели,
Ударил — сердце затряслось,
Слеза на струну упадет —
Я плачу о потере Ма...
Пролейте слезы вы со мною,
Младые, нежные сердца!
Жалейте о его несчастье —
Жалейте о любезном Ма...
Где вы, счастливые минуты
Когда я дружбы нектар пил?
Лишился друга — все исчезло,
Осталась в сердце пустота.
Тебя уж нет — га! как несносно!
Надежды нет уж ни малой (sic!),
Чтобы увиделись мы здесь.
Не здесь — в небесной эмпирии —
Туда глаза я возвожу,
Иду в обителях небесных,
Где я с тобой соединюсь.

Гнедич не заметил, что его литературная впечатлительность была причиной невольного включения в это стихотворение нескольких строк из стихотворения Капниста «На смерть Юлии» 1796 г.:

Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

Две последние строчки повторяются у Капниста, а вслед за ним и у Гнедича, дважды на протяжении стихотворения. Можно не говорить о несовершенстве этого лирического опыта Гнедича: уже введение в метр стиха начальных букв фамилий (Ма, Со) дает эффект почти комический. Если же необходимо еще подтверждение принадлежности «Стон при гробе Ма» Гнедичу, то им может служить полное единство авторского почерка в этом стихотворении и в трогательном романсе, который поэт Олимпия в гнедичевском романе «Дон-Коррадо»:

Сокрылось, улетело время,
Исчезли радости мои,
Глубока пропасть их пожрала
И не воротит никогда...

Обращает на себя внимание, что в стихотворном переводе «Абюфара» 1802 г. стих Гнедича значительно лучше — уж не пользовался ли там Гнедич чьей-либо помощью, например Мерзлякова? Следует предполагать также чье-либо покровительство, которое помогло бы сразу после выхода из Университета, в 18-летнем возрасте, найти возможность дебютировать тремя книгами в один год, как это было у Гнедича («Абюфар», «Мориц» и «Плоды уединения»). Молодой автор выказал ими свою образованность, но также и наивную самонадеянность. Насколько зрелый Гнедич был требователен к себе и для сборника своих произведений в 1833 г. отобрал только 77 стихотворений, хотя их было значительно больше (нам известно до 120), настолько же в юности он отличался невзыскательностью и даже заносчивостью: так, в 1803 г. в предисловии к своему новому роману «Дон-Коррадо Де Геррера, или Дух мщения и варварства гишпанцев» он якобы скромно наставляет читателей: «Первое перо Волтера, Шекспира и Шиллера, конечно, было не без слабостей, так почему ж не простить их молодому русскому автору, Николаю Гнедичу».¹⁰ На сохранившейся писарской копии «Дон-Коррадо» Гнедич сделал впоследствии приписку, без даты, содержащую отрицательно-шутливый приговор этому юношескому произведению: «Простить можно, а посещь бы надобно».¹¹

Возникает предположение, что Сопиков, по работе в Публичной библиотеке соприкасавшийся с Гнедичем, уже известным литератором, мог видеть эту его приписку в «Дон-Коррадо» или вообще знать, как Гнедич относится к своим юношеским произведениям, и поэтому, не желая ставить Гнедича в неловкое положение, предпочел атрибутировать «Плоды уединения» Михаилу Дмитриевскому или по незначительному участию того в сборнике или даже по случайному указанию самого Гнедича. Во всяком случае, мы не знаем, чем иначе объяснить ошибку такого опытного библиографа. Но изучающим ход литературного развития Гнедича уже нельзя пройти мимо «Плодов уединения», а как деталь книга эта должна найти свое место и в обширной теме рецепции Шиллера в России.

---

¹⁰ Аналогией к горделивым притязаниям молодого Гнедича может служить гоголевское предисловие к «Гансу Кюхельгартену», «произведению восемнадцатилетней юности», но там автор говорит все же не от себя, а от лица якобы издавателя: «Мы гордимся тем, что по возможности спешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта».

¹¹ ГПБ, Отдел рукописей, ф. 197, оп. 1, № 8. Под припиской Гнедича, другим почерком: «Рука Н. И. Гнедича. М. Л.» — это Михаил Лобанов, друг и душеприкащик Гнедича, заверил его подпись.